

Лян Шумин

Чем отличается образование у жителей Востока и Запада

Перевод А.Б. Старостиной¹

От переводчика

В начале 1922 г., когда была написана эта работа, двадцативосьмилетний Лян Шумин уже пользовался широким признанием. С 1919 г. он преподавал в Пекинском университете, куда его пригласил сам ректор – Цай Юаньпэй. Молодые деятели «движения за новую культуру» – от Ху Ши до Ли Дачжао – спорили с ним и прислушивались к нему. В 1921 г. вышла и немедленно приобрела популярность книга Лян Шумина, которой, как показало время, было суждено стать самым известным его трудом, – «Культуры Востока и Запада и их философии» («Дун Си вэньхуа цзи ци чжэсюэ» 東西文化及其哲學). Вслед за ее появлением он стал получать многочисленные предложения выступить с лекциями. Во время лекционной поездки в Шаньси он выступил в одной из начальных школ г. Тайюань, на основе этого выступления и появилось эссе о различиях образования в Китае и на Западе.

Это один из самых ранних текстов Лян Шумина, посвященных педагогике. В нем автор одновременно приветствует введение в китайскую школу западной ориентации на фактические знания и предлагает не пренебрегать здравым зерном традиционного китайского образования, каким бы несовершенным оно ни было, не забывать об этическом компоненте воспитания и быть внимательным к личности учащегося.

Теоретическую основу эссе можно найти в «Культурах Востока и Запада...». Согласно этой книге, мировой исторический процесс должен состоять из трех этапов, соответствующих трем векторам мировой воли и одновременно трем познавательным способностям человека: интеллекту (*личжи* 理智), интуиции (*чжицзюэ* 直覺) и ощущению (*ганьцзюэ* 感覺). На каждом из этих этапов доминирует одна из трех больших культурных систем (соответственно западная, китайская или индийская). В настоящее время человечество находится на границе эпох: время западной культуры, руководствующейся интеллектом, уходит, наступает время Китая, и на этом эта-

¹ Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-2421-2484; E-mail: abstarostina@gmail.com

пе человечеству предстоит вполне развить нравственную интуицию. Учение, наиболее полно воплощающее сущность китайской культуры, – это конфуцианство, и таким образом, конфуцианство в ближайшем времени ожидает возрождение (для Индии таким преимущественным учением он считал буддизм).

При этом Лян Шумин предполагал, что у западной культуры было время полностью сложиться и реализовать свой потенциал, открыв всему человечеству необходимые на первом этапе его существования ценности, включая науку и демократию. Для успешного перехода ко второму этапу нужно усвоение достижений первого. Китайская и индийская культура еще, можно сказать, не приступили к реализации собственных возможностей, в отличие от Запада: им были открыты в древности ценности конфуцианства и буддизма, которые, будучи сами по себе благом, но не своевременным на этом этапе развития человечества, не дали им достичь больших успехов в деле покорения природы и отвлекли от создания демократического общества.

Приоритетываясь к теме выступления и к аудитории, Лян Шумин упрощает и терминологию, и общую структуру своей концепции. Так, выпадает ее «индийская» часть. Нигде он не упоминает «волю» (*шюй* 意欲), термин, взятый у Шопенгауэра, занимающий центральное место в «Культурах Востока и Запада...» и синонимичный для него бергсоновской «жизни». Эта особенность сохранится и в последующих больших работах он тоже откажется от «воли», полностью заменив ее «жизнью» (*шэнхо* 生活, *шэнмин* 生命). Вместо «интуиции» он употребляет термин «инстинкт» (*бэньнэн* 本能) – в «Культурах Востока и Запада...» такая замена тоже спорадически происходит, от этой путаницы в понятиях Лян Шумин позже избавился².

Интеллект в эссе – инструмент получения фактических знаний, необходимая часть образования, которой, однако, до начала XX в. в Китае пренебрегали. Китайская культура чаще оперировала инстинктом/интуицией – основой регулирования эмоций. По Лян Шумину, на правильно отрегулированных эмоциях должна зиждиться этика. Ранние конфуцианцы, заботясь о гармоничном состоянии эмоций, выработали принципы истинно нравственного воспитания.

Поскольку, как было сказано выше, развитие китайской культуры было неравномерным, она «проскочила» формирование науки и демократии, и прозрения Конфуция и Мэн-цзы не могли быть освоены в должной степени. Но в наши дни, когда китайское общество компенсирует потерянное время и стремительно осваивает достижения Запада, оно, дополнив «образование знаний» европейско-американского образца, может сформировать новую педагогику, в которой будут равно задействованы интеллект и интуиция.

Работы Лян Шумина, переводы которых были опубликованы на русском языке.

1. «В чем специфика китайской культуры?»³

² См. An, Yanming. Liang Shuming and Henri Bergson on Intuition: Cultural Context and the Evolution of Terms // *Philosophy East and West*. 1997, Vol. 47, No 3. Pp. 337–362.

³ Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2004. № 4. С. 131–141; также Старостина А.Б. *Философия истории Лян Шумина*. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 241–261.

2. «О различиях конфуцианства и буддизма и их сходстве»⁴
3. Об учении Конфуция (из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»)⁵

Перевод эссе «Чем отличается образование у жителей Востока и Запада» выполнен по изданию 梁漱溟. 東西人的教育之不同 // 梁培寬 王宗昱 [編校]。中國現代學術經典。梁漱溟卷。石家莊: 河北教育出版社, 1996: 781–785.

В конце десятого года республики, воспользовавшись ежегодным отпуском, я отправился в Шаньси, куда меня пригласили читать лекции. Четвертого января следующего года я беседовал с учителями начальной школы Янцюй в административном центре этой провинции. Когда г-н Ли Шицэнь⁶, главный редактор «Цзяюй цзачжи»⁷, попросил у меня статью, я второпях не нашел, что ему отдать, кроме записи этого выступления, выполненной г-ном Чэнь Чжуньюем⁸.

Помнится, г-н Гу Хунмин в своей книге «Главный смысл Весен и осеней»⁹, трактующей о культурах Востока и Запада, говорит и о том, чем отличается западное образование от китайского. По его словам, когда на Западе люди приступают к учению, то начинают со знаний, после переходят к знаниям, да и потом продолжают знаниями; а когда китайцы приступают к учению, то изучают путь благородного мужа¹⁰. Остроумно сказано; к тому же в этом есть и некоторый резон. Хотя еще вопрос, можно ли считать наставлением в пути благородного мужа – обучение писать восьмичленные сочинения, какие у нас были прежде в ходу¹¹. Однако материалы-то – «Изречения» Конфуция, «Мэн-цзы», «Великое учение», «Срединное и

⁴ Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 214–240.

⁵ Лян Шумин. Об учении Конфуция [из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»] // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 139–150.

⁶ Ли Шицэнь 李石岑 (1892–1934) – философ, популяризатор сначала философии жизни, затем марксизма.

⁷ Журнал «Цзяюй цзачжи» 教育雜誌 («Образование») – один из первых китайских журналов, посвященных педагогике, выходил в Шанхае с 1909 по 1947 г. Ли Шицэнь был его третьим главным редактором и занимал этот пост с конца 1921 по 1928 г.

⁸ Чэнь Чжуньюй 陳仲瑜, Чэнь Чжэн 陳政 (1894–1978) – ученик и друг Лян Шумина, в описываемое время – студент философского факультета Пекинского университета.

⁹ Гу Хунмин 辜鴻銘 (1857–1928), малайский китаец, получивший европейское образование, переводчик, философ, полиглот, известный культурным консерватизмом. Здесь идет речь о его книге, написанной на английском языке и в оригинале озаглавленной “The Spirit of the Chinese People” (1915); на обложке издания присутствовало и китайское название – *Чунью да и* 春秋大義 («Главный смысл Весен и осеней»).

¹⁰ Лян Шумин, по-видимому, имеет в виду пассаж из 17 главы книги: «Цель и предмет школы в Китае – не научить зарабатывать на жизнь, как в современных Европе и Америке...» и т.д. (Ku, Hung-Ming. The Spirit of the Chinese People. With an Essay on Civilization and Anarchy. Peking: Peking Daily News, 2015. Pp. 62–63).

¹¹ Восьмичленные сочинения (*багуэнь* 八股文) – композиционно сложная форма экзаменационного эссе в эпохи Мин и Цин, с XVII в. постоянно подвергавшаяся критике и затем во время движения за новую культуру ставшая символом схоластики экзаменационной системы позднего императорского Китая.

неизменное»¹² – как раз говорят о пути благородного мужа. Как бы то ни было, в целом для образования китайцев такая направленность была явно характерна. А на Западе раньше обучали, – если не считать последних тенденций в образовании, – способом: давали очень много знаний. Сколько звезд на небе, как Земля вращается и т.д. ... Сейчас в наших школах мы подражаем западным, и все многочисленные дисциплины в них – такие, каких в Китае не было несколько десятков лет назад: тогда учили другому. Но и об истинах, которые содержатся в китайских книгах, в западном образовании, кажется, речь не заходила. Очевидно, у образования в Китае и на Западе были разные акценты. Скажем в общем: в образовании китайцев упор делался на эмоциональную сферу, то есть обучали почтительности к родителям, любви к братьям и пр.; в образовании жителей Запада – на сферу знаний, то есть обучали естественным наукам и пр. И такое различие в позиции по отношению к образованию, собственно, объясняется коренным различием путей, по которым идут эти две культуры; это различие – всего лишь одно из проявлений сущностного несходства культур. Об этом можно узнать, прочитав мою книгу «Культуры Востока и Запада и их философии». Вчера как раз зашел об этом разговор, когда я был в правительстве провинции. Для кого-то было неприемлемым образование, в котором упор делается на знание; другие говорили, что в образовании нельзя пренебрегать ни одним из двух аспектов. Вот это внимание к обоим аспектам и есть то, что необходимо для комплексного разумного¹³ образования.

Мы, люди, рождаясь, должны жить вперед. Первая необходимость в жизни как раз и есть знание. Даже для того, чтобы понять, какие из этих многочисленных вещей, попадающихся нам, можно есть, а какие нельзя, какие питательны, а какие ядовиты и т.п., – даже для этого нужно знание. В противном случае, как сделать выбор, есть или не есть? Только такое знание позволяет справиться с этим незначительным аспектом жизни. Для каждой стороны нашей жизни необходимы знания. Ученость представляет собой точные, проверенные знания, упорядоченные и объединенные. Знания или ученость могут быть и результатом личного творчества: они обретаются с помощью выводов из человеческого опыта или же приходят, когда нас обучают другие. Учение, созданное предшественниками, передается последующим поколениям. Но знания или ученость, кроме тех, что относятся к точным наукам, например, математическая теория, по большей части могут формироваться только на основе опыта. Если не следовать путем, созданным на основе опыта предшественников, а пролагать путь самостоятельно, много ли опыта мы успеем накопить за всю жизнь, которая насчитывает всего лишь несколько десятков лет? Пока наберется опыт, человек уже состарится и умрет, и следующему придется снова накапливать опыт. Разве таким образом удастся набрать существенный объем знаний? Разве будет возможен

¹² «Лунь юй» 論語, «Мэн-цзы» 孟子, «Да сюэ» 大學, «Чжун юн» 中庸 – тексты, составляющие конфуцианское «Четверокнижие»; были базовыми для подготовки к государственным экзаменам в эпохи Мин и Цин.

¹³ Здесь и дальше как «разумный» переведено выражение *хэ ли* 合理. Для Лян Шумина «разумный» обозначает «опирающийся на нравственную интуицию», которую на этом этапе он отождествляет с инстинктом.

прогресс человечества? То, что называется ученостью, то, что называется прогрессом человеческой цивилизации, в действительности основано на творчестве предшественников, переданном потомкам, на углублении и продолжении открытого однажды. Это верно и для той учености, для которой необязателен собственный опыт, и для той, для которой он необходим, причем для последней этот принцип еще более насущен. К тому же если бы в каждом случае надо было все испытывать и переживать самостоятельно, чтобы узнать, как справиться с той или иной ситуацией, это непременно было бы слишком тяжело, слишком неэкономно – уж точно, такой способ не годится. Например, младенец, родившись, конечно, не должен сам проверять, что съедобно, а что нет: его учат взрослые. Поэтому независимо от того, каков смысл образования, передача знаний не может не быть важнейшей его составляющей. В соответствии с путем, по которому движется культура жителей Запада, достижения в области знаний наиболее велики, к тому же им очевидно, что жизнь человека должна быть руководима знаниями. Это в равной степени отразилось в концепциях человеческой жизни от Сократа до Дьюи. В результате на Западе действительно сумели добиться того, что для всех аспектов жизни существуют соответствующие знания; добились там и того, что решающую роль в жизни играет знание, и вся она подчинена руководству знаний. Проблемы природы решаются под руководством естественных наук, проблемы общества – под руководством наук общественных. Не следует забывать об упущениях этого метода; тем не менее в том, в чем он верен, он поистине верен.

У китайцев же все по-другому. Характер их таков, что о какой бы области жизни речь ни шла, они не любят опираться на знание; как и следует тому быть в соответствии с путем, по которому движется их культура, достижения в области знаний в ней наиболее незначительны, и опираться на них нельзя. В результате за несколько тысяч лет вплоть до настоящего времени китайцы, сталкиваясь с проблемой – большой ли, маленькой ли, трудной ли, легкой ли, – подходили к ней, исходя из личного опыта, мнений, мыслей и навыков. Так, в медицине, можно сказать, у нас есть специализированные знания; но в действительности же и здесь наиболее заметна при столкновении с любой проблемой постоянная опора на личный опыт, мнения, мысли и навыки. У китайского врача нет фармакологии, которая стала бы базой для его действий, ему приходится довольствоваться собственным опытом по применению лекарств; нет у него и теоретической патологии и терапии, на которые он мог бы опереться, ему приходится довольствоваться познаниями, полученными им самим в ходе клинической практики. Из-за сочетания всех этих обстоятельств китайское образование только в небольшой степени передает учащимся знания, а образование жителей Запада заключается преимущественно в передаче знаний. Но человечеству в его жизни подобает руководствоваться знаниями. Отсутствие такого руководства и невозможно. Если же настоящих знаний нет, используются неточные, непроверенные, не достигшие зрелости и не упорядоченные. Потому нельзя отрицать, что это недостаток, свойственный нашей жизни. Если взвесить успехи и недостатки Китая и Запада в отношении образования, в этом смысле преимущество будет на стороне Запада, а Китай, напротив, проиграет. В будущем мы, конечно, должны помнить об этом про-

игрыше и придавать больше значения раскрытию мудрости и передаче знаний. К счастью, с тех пор как к нам проникло западное образование, мы уже начали работать над этим.

Образование с упором на эмоциональную сферу отличается от образования с упором на сферу знаний. Изложенные нами выше причины, по которым необходимо образование с упором на знания, для эмоциональной сферы не значимы. Отсюда и методы такого образования тоже будут другими. Конечно, образование с упором на знания не ограничивается передачей знаний; оно уделяет больше внимания просвещенности, раскрытию мудрости. Тем не менее в любом случае передача знаний в конечном счете представляет собой самый важный элемент образования с упором на знания. Именно в этом состоит его разительное отличие от образования с упором на эмоциональную сферу. Методы раскрытия мудрости могут не противоречить эмоциональному образованию. Но что касается методов передачи знаний, то они совершенно с таким образованием не согласуются. Дело в том, что эмоции инстинктивны, к ним мы, как говорится, «способны без научения», их «знаем без размышлений»¹⁴; это то, что изначально присутствует в человеческой жизни сполна, в отличие от знаний, которые мы не получаем от рождения. Эмоции – то, к чему ничего не прибавить после рождения, в то время как все знания приобретаются апостериори (вне зависимости от того, получены ли они в ходе собственного творчества или усвоены извне, от предшественников). В таком случае может показаться, что для эмоций образование не нужно, да и научить им нельзя. Но это совсем не так. Вся сущность жизни заключается в эмоциональном плане, а план знаний, включая сюда изначально присутствующую мудрость и приобретенные знания, – это всего лишь инструменты жизни. Если не наладить инструменты, то, конечно, не наладить и жизнь, а если не наладить как следует саму жизнь (т.е. план эмоций), то даже самые лучшие инструменты не найдут применения или обратятся во вред. Поэтому эмоциональное образование более фундаментально. Таким образом, как наладить должным образом саму жизнь – первый вопрос; а стремление разобраться с инструментами жизни, безусловно, нужно, но это по необходимости – второй вопрос. То, что называется образованием, заключается не только в раскрытии мудрости, в созидании и принятии знаний, но еще более – в таком приспособлении и согласовании инстинктов, которое обусловит должное налаживание самой жизни. Хотя инстинкту обучать не нужно и невозможно, образование для него и возможно, и необходимо. Дело в том, что инстинкты в высшей степени легко разбалансировать, т.е. жизнь совсем непросто наладить должным образом, и поэтому необходимо упорядочивание инстинктов, в результате которого их действие станет благотворным. Это умение, которое нужно для образования с упором на эмоции: оно, возможно, близко к раскрытию мудрости, но очень отличается от обучения знаниям. В образовании китайцев всегда большое внимание обращали на то, чтобы люди вели разумно устроенную жизнь, и весьма пеклись о предотвращении эмоциональной несбалансированности. С этой точки зрения, естественно, стоит засчитать китайскому образованию преимущество, а западному – проигрыш.

¹⁴ «Мэн-цзы», XIII 15: «То, к чему человек способен без научения, – благое умение. То, что он знает без размышлений, – благое знание».

Итак, западное образование обращает внимание на инструменты жизни, а китайское образование – на саму жизнь; у каждого из них есть свои преимущества и недостатки. Однако несмотря на то, что постоянное внимание китайского образования к самой жизни действительно можно назвать преимуществом, его методы все же не были полностью адекватными. Дело в том, что зачастую, не в состоянии понять коренное отличие образования с упором на эмоции от образования с упором на знания, методы передачи знаний применяют для воспитания эмоций. Например, при обучении почтительности к родителям и братской любви то и дело используют скучные, пресные методы, будто при передаче знаний. Но на самом деле это не знания, и нельзя обучать им как знаниям. Следует начинать с того, как действовать, исходя из корня этих качеств – почтительности к родителям, любви к братьям, верности и доверия¹⁵ (т.е. инстинкта), и тогда ученик естественным образом усвоит почтительность к родителям, любовь к братьям, верность и доверие. Сухие наставления полезны только в плане знаний, но не особенно влияют на коренные эмоции, и таким образом жизнь и деятельность по-прежнему не становятся ни лучше, ни разумнее. Ранее все полагали, что жизнедеятельность человека исходит из плана знаний и знаниями же контролируется. Вот почему Сократ говорил, что знание и есть добродетель, и предполагал, что если человек поймет, как надо поступать, то и станет поступать правильно. Этот подход был пересмотрен только в наши дни благодаря успехам психологии. Оказывается, действия человека не могут определяться знаниями. Уроки почтительности к родителям, любви к братьям, верности и доверия принимают нравственность едва ли не за объект знания. Что касается инстинктов, мы можем только упорядочивать их извне, придавать им направление, воспитывать их, не препятствовать им и не давать им утратить баланс, не более того. Вот пример – почтительность и любовь к родителям. Не стоит читать об этом длинных нотаций, нужно только, следуя свойственной ребенку склонности любить родных, помочь ему свободно ее развить, и этого достаточно. Любовь к родным – присущий ему самому инстинкт, и человек, который не слышал ни одного урока о почтительности к родителям, может все же понять, исходя из этого инстинкта, почтительность к родителям и братскую любовь. Но тот, кто слышал множество уроков, возможно, не будет почтительным к родным, поскольку его инстинкту помешали. Конфуций же наставлял не сухо и пресно. Он, главным образом, учил людей некоторому образу жизни, который подразумевал регуляцию эмоций с помощью ритуала и музыки. Но впоследствии образование Конфуция прекратило существование, и остались только сухие методы обучения. Об этом также мы должны помнить в предостережение, и это нам предстоит исправить. Бывает еще, что при обучении охотно пользуются приемами наград и наказаний, чтобы улучшить поведение; это абсолютно неправильно. Награды и наказания контролируют действия человека, используя психологию расчетливости, что препятствует работе эмоций и мешает действию инстинкта. Верх берет начало знания, и это фундаментально подбивает устройство жизни. Потому-то при образовании эмоций это не только неуме-

¹⁵ Сяо 孝, ди 弟, чжун 忠, синь 信 – в таком порядке эти добродетели упоминаются в «Мэн-цзы» I 5 и XIII 32 как качества, ожидаемые от молодых членов общества в стране, где осуществляется гуманное управление (*жэнь чжэн* 仁政).

стно, но и вредно. Из-за этого я считаю, что ребенка, которого удастся побудить к хорошим поступкам при помощи награды или удержать от дурных посредством наказания, учить совсем невозможно. Но если он способен воспротивиться действию наград и наказаний, сила его инстинкта велика, и ей не помеха внешние препятствия; такой ребенок, напротив, подает большие надежды.